

ТРИ КРЕПОСТИ БЕЛГОРОДА

К.Е.Битюгин

А.И.Ильин

доктор технических наук

В июне 1596 года по указу царя Федора Ивановича на «Польскую Украину» Московского государства были посланы государевы чиновники — головы Иван Лодыженский и Третьяк Якушкин, а также подьячий Никифор Спиридонов. Они имели задание «смотреть, где государю города поставить». Еще в Москве были намечены ряд подходящих «городовых мест» по Донцу и по другим рекам, и посланным велено было определиться на местности. «Место крепко, гора велика, и леса пришли великие и земля добра, можно быть на том месте городу», — так доложили о Белгороде (или Белогорье) головы в Москве. Ставить же город были посланы воеводы — князь Андрей Волконский и Михаил Ноздреватый. «Тое же осени» деревянная крепость была готова.

Место, где должны были поставить Белгород, было известно в Разрядном приказе. Во второй половине XVI века мимо устья речки Везелицы, через территорию современного города проходила посольская дорога в Крым. Здесь время от времени работала верфь — «усть речки Везелицы на Донце делают суды и ездят вниз Донцом в Дон».

До основания Белгорода верховья Северского Донца относились к Путивльскому уезду. Постройкой крепости Белгорода Московское правительство решало сразу несколько задач. Де-факто за русским государством закреплялась определенная территория (принадлежность которой оспаривалось Крымским ханством), этим предотвращалась и начавшаяся стихийная колонизация приграничных районов Поля литовской шляхтой. Выдвинутый к югу и поставленный вблизи от Муравского шляха город позволял укрепить сторожевую службу. Уже к началу XVII века белгородские разъезды и станицы — то есть военные отряды — по численности практически сравнялись с путивльскими и рыльскими. К 1625 году в Белгороде числилось 40 станиц общей численностью в 360 человек. На службу привлекалось и казачество Поля, благодаря чему Москва получала возможность усилить контроль над Донецкой и Оскольской вольницами.

Что же представлял собой Белгород конца XVI — начала XVII века? Крепость стояла на плоской, 75-метровой вершине Белой (Меловой) горы (в настоящее время гора скрыта разработками мела — она находилась севернее современного городского района «Савино»). С восточной стороны крутой обрыв омывался Северским Донцом, обрыв с южной стороны был

обращен к речке Ячнев Колодец. «Место... выбрано по естественному виду с трех сторон неприступное, потому что мыс горы наибольшею частью кончится крутым яром», — так описывал местоположение бывшей крепости академик Василий Зуев в 1781 году в «Путешественных записках».

Документов с описанием крепости не сохранилось, по-видимому, они погибли во время знаменитого пожара московских приказов в 1626 году. Единственным источником сведений о крепости служат археологические данные. В 1951 и 1954 годах на городище по заданию Института истории материальной культуры Академии наук СССР проводились раскопки археологом А.В.Никитиным. В это время Белую гору активно разрабатывали два мелозавода. Экспедиция археологов была организована с большим запозданием. На городище, площадью более 30 гектар, было сделано шестнадцать раскопов и несколько траншей, прорезавших крепостные земляные валы. По данным исследований крепость на Белой горе состояла из трех частей — детинца, средней и внешней оборонительных линий, защищавших детинец со стороны Поля. Четырехугольный детинец располагался с восточной стороны площадки. В плане он близок к трапеции, размером 240 на 220 метров, имел 8 башен: 4 по углам и 4 по стенам. По мнению А.В.Никитина, вначале крепость состояла только из детинца (на валу которого стояла бревенчатая тыновая ограда) и средней оборонительной линии, также представлявшей собой тын на валу. С ростом города детинец был укреплен, и у крепости появилась еще одна линия стен и башен.

В более позднее время, окруженный с трех сторон ровом детинец, включал в себя земляной вал, по гребню которого были построены бревенчатые стены, рубленные «в тарас» («прислоненные» друг к другу срубы, заполнявшиеся глиной). Толщина стены составляла от полутора до двух метров. Земляной вал был обмазан толстым, до 70 сантиметров, слоем глины, обожженной до образования керамической корки. На расстоянии от 140 до 300 метров от детинца полукольцом проходил вал со рвом перед ним и с редким тыном по его гребню. Вал выходил на юге и востоке на обрывы Белой горы. По мнению А.В.Никитина, башен в этом «внутреннем поясе» обороны не было.

На расстоянии от 160 до 180 метров от «средней линии», практически смыкаясь с ней в южной части, был возведен внешний пояс

обороны, по конструкции повторяющий стены и башни нового детинца, с той лишь разницей, что глиняная обмазка вала не подвергалась огневой обработке. Судя по характерным выступам вала, по стене стояли 10–11 башен (размер одной из них, исследованной, 5 на 5 метров), рубленых также «в две стены» с заполнением промежутка глиной.

Недостатком крепости было плохое водоснабжение, которое осуществлялось через неудобный, крутой «тайник» — подземный ход, выходящий к Северскому Донцу.

На юго-западе крепости при раскопках был вскрыт еще один подземный ход, ведший в овраг, выходящий на берег ручья Ячнев Колодец. В юго-восточной части было кладбище.

Территория крепости вне детинца была заселена достаточно плотно. Дома белгородцев того времени — небольшие, глинобитные, реже — бревенчатые, площадью в среднем 16 квадратных метров, с земляным полом и глинобитной печью в углу. Рядом с домом или на некотором расстоянии был погреб или кладовка с подпольем. Под горой располагалась слобода Беспашенная (позже называемая также «слободой под острогом», Покровской, Подбелянской), принадлежавшая Никольскому монастырю.

Крепость на Белой горе простояла недолго. В 1612 году она была взята литовским отрядом лубенского урядника князя Семена Лыко. «Белгород и острог большой и малой и посад, и на посаде монастырь, ...и мирския церкви, и двory все разорили и выжгли без остатка», — сообщает документ Московского стола (сообщен А.И.Папковым).

Существуют неясные свидетельства о якобы встретившихся следах каменных сооружений детинца — стен и башен. О них говорит ряд описаний городища, начиная с середины XVIII века. В 1927 году «Известия Курского губернского общества краеведения» сообщали: «Центральный вал (детинца. — *Авт.*), наверное, был снабжен еще каменной стеной, что подтверждается сплошной засыпкой его поверхности мелкими кусками сильно обожженного кирпича, представляющими, конечно, остатки белых крепостных стен» В 1950 году городище было осмотрено археологом П.И.Засурцевым и в отчете, хранящемся в архиве Института археологии, указано: «Центральная часть крепости... с 8-ю каменными башнями по валу», «диаметр основания башен до 20 метров». Однако в опубликованных работах А.В.Никитин ни одной строчкой не упоминает о чем-то подобном. Раскопки на месте башен не обнаружили никаких следов фундаментов, необходимых для сооружений из камня или кирпича... Возможно, наблюдатели ошибочно при достаточно беглом осмотре принимали за кирпич фрагменты обожженной глиняной обмазки, или еще что-то... Думается, в Белгороде крайне маловероятно наличие каменного детинца также и из-за отсутствия в окрестностях подходящего для постройки камня.

Восстанавливать разоренный город стали,

по-видимому, только в 1613 году, после избрания на царство Михаила Федоровича. Руководил постройкой города воевода Никита Лихарев... Белгородские всякие люди острог построили за рекою, за Северским Донцом, на нагайской стороне, «против старова городища, меж болот», свидетельствуют документы. Следов этой крепости к настоящему моменту не найдено, определить ее место можно лишь предположительно — это район современных улиц Молодогвардейцев, Павлика Морозова, Корочанского переулка и Корочанского шоссе — здесь прежде была слобода Старое Городище.

В новую крепость пришлось набирать служилых людей из других городов, в том числе — из разрушенного в 1613 году, в «смутное время», города Царева-Борисова (этот город располагался у слияния Северского Донца с Осколом, в районе нынешнего города Изюма Харьковской области). Оттуда же привезли и часть артиллерийского «наряда» и «церковное строение» для Никольского монастыря. Вторая крепость уступала первой как размерами, так и надежностью оборонительных конструкций. Крепость состояла из двух частей: города и примыкавшего к нему острога. Стены их, в отличие от крепости на Белой горе, были не рубленые, а тыновые — из одного ряда сплоченных вместе, вкопанных в землю вертикальных бревен.

В плане второй город был близок к прямоугольнику. По обмерам 1626 года его стороны имели длину от 73 до 84 сажень. В тыновых стенах города было два яруса бойниц: сквозь нижние стреляли, стоя на земле, а через верхние — забираясь на деревянный настил — «мост», устроенный примерно на половине высоты стены. Наверху стен были выступающие «обламы» для навесного боя. Острог с облами в последствии стал самой распространенной конструкцией, применяемой по всей Белгородской черте. Восемь квадратных башен города были «рубленые, с обламами и с шатрами, покрыты тесом». Башни имели по два и по три этажа — моста, на которых по ночам располагались караулы — по 10 стрельцов.

При строительстве обычно использовались бревна толщиной 5–6 вершков, высота башни составляла от 11 до 13 с половиной метров.

В 1626 году в городе располагались: воеводский двор, двory казацкого и стрелецкого голов, съезжая изба, погреб и клетки — для «зелья», пороха, свинца, серы и семь житниц, двory церковного причта, пушкарей, детей боярских и стрелецкая слобода. В городе были семь колодцев.

Во время Смоленской войны, в 1634 году, белгородский острог, имевший 16 башен, был взят и сожжен литовцами. Новый острог был возведен несколько меньших размеров.

В остроге размещались шесть слобод, именуемых как по категориям проживающего там населения, так и по месту, откуда жители были переведены в Белгород — Ездочная, Стрелецкая, Вожевская, Пушкарская, Рязская, Михайловских и Пронских казаков.

«Наряд» (артиллерия), согласно документам, сосредоточивался на башнях. В 1626 году в Белгороде имелось 11 артиллерийских стволов — пищалей и пушек, а также 152 затинных пищали — крупнокалиберных ружья, из которых стреляли с упора. В 1644 году роспись перечисляет 12 орудий, при каждом имелось два или три пушкаря, вооруженных затинными пищалами. Чтобы наводить орудия на цель, были еще по два человека из посадских людей или бобылей. Массивную, весом в полторы тонны пищаль «Собака» поворачивали десять человек. На стенах города и острога имелись катки (толстые обрубки бревен), которые сбрасывались на головы неприятелю, и запас камней — для тех же целей.

По данным Писцовой книги, в 1626 году в Белгороде насчитывалось два монастыря (Никольский мужской и Рождество-Богородицкий женский) и двенадцать церквей. В крепости и посаде были 833 двора — таким образом, общее население города можно оценивать примерно в 5 тысяч человек.

Последний перенос Белгорода произошел в связи со строительством Белгородской черты. В 1646 году земляной вал подвели к Северскому Донцу, и Белгород оказался за рекой, отрезанным от основной системы укреплений. В 1647 году воевода князь Н.И.Одоевский предложил проект переноса стоявшего «не у места» города к устью реки Везеницы (ныне она называется Везелицей или Везёлкой). Этот вопрос в Разрядном приказе решали почти три года. В помощь белгородцам на строительство были направлены два полка дворянской конницы — более трех тысяч человек из Москвы, Тулы, Каширы и других городов. Техническое руководство строительством осуществлял французский инженер Давид Николь, строивший до этого крепость Царев-Алексеев (Новый Оскол) и прилегающий к нему участок черты. 17 сентября 1650 года воевода Головин заложил Белгород на новом месте, и осенью того же года крепость в основном была готова.

Строители пошли по наиболее простому пути — к валу Белгородской черты, который пролегал вдоль берега реки Везеницы, присоединили три стены — острог с обламами. В 1668 году с восточной стороны к нему пристроили другой — «Большой» («Земляной») город, после чего первый стали именовать «Меньшим» (он располагался в центре современного Белгорода). В 1678 году участок вала по берегу Везеницы со стороны реки был увенчан острогом с обламами. В городе было четыре проезжих и семь глухих четырехстенных башен, со стороны стены длиной в три сажени. Проезжие ворота (очевидно, только внешние) защищались «отводными городками» — бастионами, устроенными из земляного вала, так же «оставленного» острогом. Город был окружен трехсаженным рвом.

В «Меньшом городе» находились: воевод-

ский, митрополичий и дьяческие дворы, собор Святой Троицы (в конце XVII века на месте сгоревшего деревянного храма был построен каменный), житенный двор, разрядная изба и другие постройки.

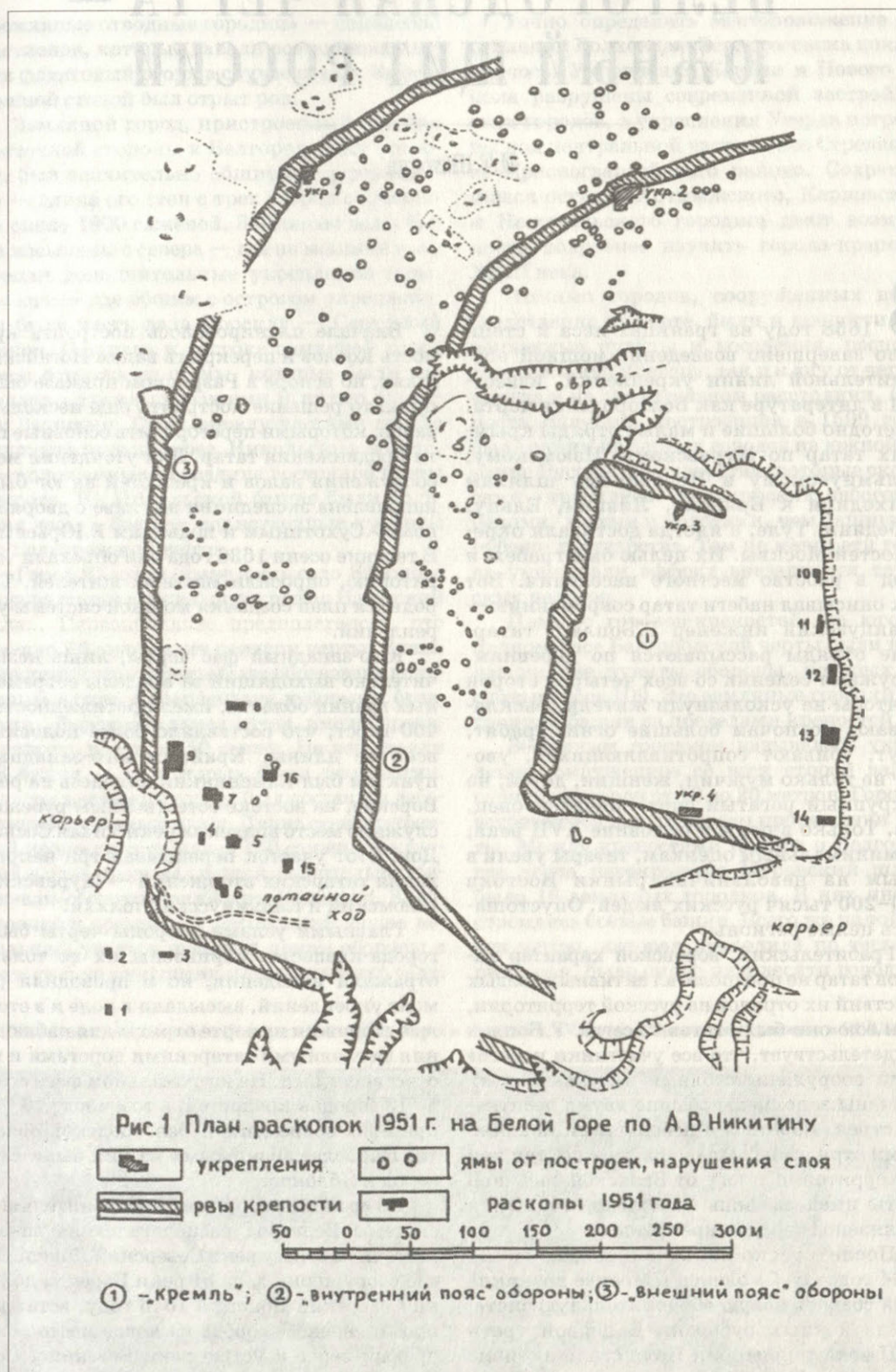
«Большой город» с северной (московской) и южной (везеницкой) сторон был укреплен земляными валами. Со стороны реки Северский Донец был устроен острог (без вала, на грунте), а на болотистых участках — тарасы (срубы, заполненные землей).

Вплоть до середины XVII века в отечественной фортификации безраздельно господствовала «система стен и башен»: на земляном валу (или непосредственно на грунте) сооружались стены, создававшие укрепленное пространство (в плане обычно четырехугольник). В XIV–XV веках в Западной Европе начали строить крепости по так называемой бастионной системе. Башен стало значительно меньше или не было вообще, а артиллерия и стрелки располагались по всей линии стены. Через определенные промежутки стена велась ломаной линией, образующая многоугольники (бастионы), откуда можно было вести и эффективный обстрел куртин (участков стены между бастионами). В России крепости по бастионной системе начали строиться в первой трети XVII века.

Эволюция от башен к бастионам, от острога к земляному валу хорошо прослеживается на примере третьей Белгородской крепости, которая неоднократно ремонтировалась и перестраивалась в течение второй половины XVII века. В начале XVIII века Белгородская крепость существенных изменений не претерпела. Двухчастная конструкция сохранялась, по крайней мере, еще в первой четверти столетия.

В 1730-е годы «Белгород Меньшой» назывался «земляной крепостью», где были сохранены три башни, утратившие к этому времени оборонное значение, изменена форма трех бастионов. Валу «Большого города» как с Московской, так и с Везеницкой стороны были ликвидированы. По северной стене острожной стены, высотой две сажени, стояли четыре башни и двое ворот. С востока в болотистой пойме Северского Донца была сохранена деревянная стена, рубленая «клетнями» (тарасами) и обсыпанная земляной насыпью. Помимо угловых, в ней была проезжая башня, от которой через широкую пойму шел Донецкий мост. Северную стену защищал большой отводной городок.

Впоследствии «Большой город», очевидно, был сломан: на планах после 1769 года обозначен только «Меньшой город». Пожары 1766 года, уничтожившие большую часть Белгорода, привели к его перестройке по «регулярной» планировке, с прямоугольными кварталами и длинными прямыми улицами (центральная часть города, в основном, сохранила ее до наших дней). После покорения Крыма указом Екатерины II от 30 апреля 1785 года Белгород был исключен из числа крепостей.

План раскопок 1951 года
на Белой горе (по А. В. Никитину)